

Анна Мезенко

Витебск

### Стабильность и изменчивость урбанонимной подсистемы языка (на примере урбанонимикона Полоцка)

Пространство и время, как уже неоднократно отмечалось исследователями, субъективно переживаются и воспринимаются людьми в различных обществах и на различных стадиях существования каждого из них. Даже отдельными индивидами они переживаются по-разному<sup>1</sup>. В связи с этим безусловный интерес представляют названия внутригородских объектов определенных городов не только в плане статистики их номинационного потенциала, но и в плане динамики – свидетеля изменений в историческом и культурном развитии народа.

Несмотря на то, что Полоцк – один из самых ранних древнерусских городов, третий после Киева и Новгорода город Руси, который впервые упоминается в “Повести временных лет” под 862 г., достиг наивысшего расцвета в X–XII вв., – полный свод названий его внутригородских объектов до XVI в. не известен. Отдельные из них, например, *Св. Софья*, или *Софийский собор*, существовали еще в XI в.

Целью исследования является определение стабильности и изменчивости урбанонимной подсистемы языка на основе изучения организации полоцких названий внутригородских объектов как хранителей исторических и культурных традиций Запада и Востока.

Летописные свидетельства о наименованиях внутригородских объектов Полоцка XI–XV вв. немногочисленны. Так, одна из самых

---

<sup>1</sup> К. В. Першина, *Из наблюдений над номинационным потенциалом топонимов в русском и украинском языках*, [в:] *Linguistica slavica: Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Железняк*, Київ 2002, с. 128.

ранних фиксаций датируется XII в. и свидетельствует о существовании в городе монастыря в честь Святой Троицы: “А се **м**зъ великий князь андрей полоцкии далъ есми **стои троици** рекоу званую з горы з бобровыми”<sup>2</sup>. В грамотах XIV–XV вв. неоднократно упоминаются *Святая Софья*, известный *Софийский собор*, памятник истории и архитектуры XI–XVIII вв. (“*Былъ есмь не дома, во отца своего митрополита, а нынѣ есмь на своемъ мѣстѣ свѣтоѣ софѣ*”; «*печать полоцкая и святоіе софѣи*»<sup>3</sup>, *Борисоглебский монастырь*, часть города под названием *Старый горад*.

Что же касается названий улиц и других линейных объектов, то первые письменные свидетельства о них находим только в XVI в., когда в связи с необходимостью совершенных описаний Великого княжества Литовского был проведен ряд ревизий, и в частности полоцкая ревизия 1552 г.<sup>4</sup>, из которой следует, что в это время Полоцк являлся одним из наиболее крупных городов на территории Руси.

В этом документе находим названия пяти улиц и переулков, которые свидетельствуют о том, что главным номинационным направлением полочан XVI в. было пространственное определение «здесь расположено» или «туда ведет»: *Петровская улица*, *Ильинская улица*, *Пятницкая улица*, *Вознесенский заул*ок. При этом важнейшими ориентирами, в отличие от нашего времени, являлись храмы и монастыри. Главная же примета современного урбанонимикона большинства городов мира и Полоцка в частности – антропоцентризм – нашла отражение только в одном названии 1552 г. – *Ондронов заул*окъ.

Полоцк искони славился своими укреплениями, кстати исправленными в 1561 г.<sup>5</sup>, когда он состоял из *Верхней*, *Стрелецкой крепости* и посада *Заполотье*.

Как известно, первые более-менее совершенные описания города и полоцких замков были сделаны историком короля Стефана Батория Р. Генденштейном, который писал, что Полоцк когда-то стоял на левой стороне Полоты “при подошве взгорка, который московитяне позже заняли стрелецкой крепостью”<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> *Акты, относящиеся к истории Западной Руси*, т. 1., Санкт-Петербург 1846, с. 27.

<sup>3</sup> *Полоцкие грамоты XIII – нач. XVI в.*, т. 1, Москва 1977, № 3.

<sup>4</sup> *Полоцкая ревизия 1552 г.*, Москва 1905.

<sup>5</sup> *Полоцко-Витебская старина*, Вып. 2, Витебск 1912, с. 301.

<sup>6</sup> Р. Генденштейн, *Записки о Московской войне 1576–1582 гг.*, Санкт-Петербург 1889, с. 54.

В конце XVI в. его планировочная структура включала *Вышний* и *Нижний замки* и шесть посадов: *Великий*, *Заполотье*, *Островский*, *Якиманский*, *Кравцов*, *Слободской*.

Перечисленные названия подтверждают высказанную нами ранее мысль<sup>7</sup>, что в формировании урбанонимной системы Беларуси середины XVI в. участвовали три принципа: номинация объекта по отношению к другим объектам, номинация объекта по его связи с человеком как владельцем и номинация объекта по его свойствам и качествам, два из которых (первый и третий) применяются и в наше время, что свидетельствует о стабильности урбанонимной системы.

Приметной особенностью подачи названий линейных объектов в «Полоцкой ревизии 1552 г.» является однокомпонентность проприальной части. В отличие от названий улиц Несвижа, Гродно, других городов Беларуси и Москвы, которые в XVI в. обычно имели форму небольшого урбанонимного рассказа (ср.: *Ulica z Rynku ku Polu*; *Ulica idąc na Porowską ulicę* – Несвиж; *улица до Несвижа* – Могильная; *улица подле вала* – Москва), в этом документе зафиксированы урбанонимы, образованные способом первичной атрибуции географических апеллятивов, что может служить косвенным свидетельством большего возраста города, за время существования которого синтаксические топонимные рассказы успели свернуться в урбанонимную синтагму.

Еще одно отличие полоцкой урбанонимной системы XVI в. от средне-, западнобелорусской и польской – отсутствие наименований улиц и переулков, образованных от названий населенных пунктов, в направлении которых линейные объекты вели. И это притом, что в пятнадцати из двадцати двух изученных городов Беларуси названия, при образовании которых использована упомянутая мотивировочная примета, составили около 64% внутригородских названий.

Необходимо отметить, что годонимы, связанные по своему происхождению с церковными понятиями, возникали, очевидно, не в результате словообразовательного акта, а в результате трансонимизации разговорно-бытовых форм экклезионимов. Сравним, например: официальная форма названия церкви – *церковь Святого Пророка Ильи* – разговорно-бытовая форма *Ильинская церковь* – годоним *Ильинская улица*.

Показательно также, что урбанонимы, образованные от экклезионимов, преломленно отражают не только духовное состояние полочан

---

<sup>7</sup> А. М. Мезенко, *Основные тенденции в динамике урбанонимов Гродно*, [в:] *Шануючы спадчыну Я. Карскага: Другія навуковыя чытанні*, Гродна 1991, с. 15–20.

давно минувших лет, но и Полоцкую школу зодчества, которая сложилась еще в XII в. и оказала воздействие на строительство в Гродно, Смоленске, Новгороде и других городах.

Каков теперь удельный вес внутригородских названий, отражающих связь с культурно-религиозными и архитектурными памятниками, в урбанонимной системе города? По данным плана города 2002 г., на котором отмечено 279 названий улиц, переулков, площадей и др., только два годонима – *Замковая улица* и *Замковый проезд* – с определенной долей условности можно отнести к этой категории названий.

Большое опустошение принес Полоцку огромный пожар 1643 г. Много горожан покинуло город и во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. Поэтому во второй половине XVIII в. наблюдается полный упадок города. Новых внутригородских названий ожидать не приходится. И только под 1772 годом находим указание на то, что в то время город делился на пять частей: *Преддвинье*, *Задвинье*, *Нижний замокъ*, *Верхний замокъ*, *Заполотье*<sup>8</sup>.

“Точкой отсчета” в номинации частей города, в отличие от наименования улиц, являлись, как видим, реки Двина и Полота. И это понятно: реки во все времена были главными жизненными артериями для людей.

Со второй половины XVII в. на территории города происходил активный передел земель в пользу католической церкви: важнейшие в градостроительных отношениях узлы занимались католическими и униатскими монастырями, костелами, коллегиумами, хотя сохранялись и отдельные православные церкви и монастыри.

Так, в “Подробном алфавитном указателе для I–XIII томов Археографического сборника” И. Я. Спрогиса, который издавался при Виленском учебном округе, приводятся следующие экклезионимы: *Boriso-Glebskij bazilianskij monastyr'*, *bazilian. monastyr' pri zamkowej Sofijskoj cerkwi*, *Dominikanskij monastyr'*, *Franciskanskij monastyr'*, *Piatnickije monastyr'*, *Bogojawlienskij prawoslawnyj monastyr'*, *Bogojawlenskaja cerkow'*, *cerkow' Swiatoj Prieclistoj*<sup>9</sup>.

Анализ всех зафиксированных в памятниках письменности урбанонимов показал, что для наименования внутригородских объектов и их

<sup>8</sup> *Городские поселения в Российской империи*, т. 1., Санкт-Петербург 1860, с. 238.

<sup>9</sup> *Центральны исторический архив Республики Литва: Спрогис И. Я. Подробный алфавитный указатель к I–XIII томам Археографического сборника, издаваемого при Виленском учебном округе*, т. 3, Вильна 1905.

частей в Полоцке XVI–XVIII вв. использовались разнообразные географические апеллятивы: *улица, заулокъ, монастырь, церковь, посадъ, пляцъ, замокъ, фольварокъ, острогъ, гостиный дворъ, гостинецъ, крепость, перекопъ*.

В течение XIX в. город значительно вырос. Особенно быстро застраивались районы, прилегающие к вокзалу. Названия улицам обычно давались самими жителями, специально регулированием номинационным процессом никто не занимался. Это снова были названия, данные по наименованиям расположенной на улице церкви, пространственного определения (*Спасская улица, Нижне-Покровская улица, Верхне-Покровская улица*), названия по собственным особенностям и качествам объекта (*Канавная улица*). Новыми в сравнении с XVI в. стали для города наименования по национальной принадлежности жителей (*Еврейская улица*), по названию населенного пункта, в направлении которого улица вела (*Сиротицкий переулок*).

Новый этап в урбанонимии города начался в XX в. – веке, характеризующемся искусственной номинацией внутригородских объектов, когда стало невозможным, чтобы имя родилось само по себе и только потом, в готовом виде, было занесено в официальные перечни и списки, отмечено на картах и схемах. Теперь каждое имя или вскоре после своего возникновения утверждалось соответствующими властями, или придумывалось конкретной, для того уполномоченной комиссией, или даже отдельным человеком. Центральным направлением номинационной политики становится господствующая идеология и антропоцентризм. Урбанонимы, главной функцией которых во все предшествующие века была адресная функция, в большинстве своем утрачивают приметы ориентиров не только потому, что фамилия или имя лица, которое никакого отношения к определенному населенному пункту не имело (сравн. *ул. Орджоникидзе, ул. Карла Маркса, ул. Кирова, ул. Ленина* и подобн.), не может подсказать местоположение внутригородского объекта, но и потому, что такие названия до нашего времени повторяются почти во всех городах и поселках городского типа.

С XX веком связаны и многочисленные другие инновации. Поэтому интересно проследить динамику внутригородских названий столетия, взяв для сравнения топонимикон первой (1930 г.) и второй (1983 г.) его половины.

Справочником “Вся Белоруссия” в 1930 г. в городе зафиксировано 49 улиц. Видно, названия с географическими апеллятивами *переулок, проезд* и другими просто не принимались во внимание. Поэтому об общем количестве линейных объектов можно только догадываться. При

этом, учитывая то, что, являясь универсальным термином, географический апеллятив обычно входил в названия более важных по сравнению с переулками и проездами линейных объектов, главное направление номинационной политики полочан того времени по приведенным названиям все же можно определить. Им остается пространственное определение “здесь расположено”. Так, первое место (18,4%) среди всех отмеченных топонимов занимают названия улиц по свойствам и качествам самого объекта, ландшафтной характеристике: *Болотная ул., Большая ул., Боровая ул., Зеленая ул., Канавная ул., Кривая ул., Луговая ул., Огородная ул., Озерная ул.* В 1983 г. их процентное количество снизилось в четыре раза, но, учитывая значительное увеличение количества линейных объектов, связанное с быстрым ростом города, в состав названной группы во второй половине столетия входили также *Криничная ул., Парковая ул., Песчаная ул., Полевая ул., Ручьевая ул., Тупой пер., Угловой пер.*

Близким к названному (16,3%) был и удельный вес названий, данных по наименованиям объектов, расположенных на них. Этот тип названий довольно разнообразен. Тут можно выделить: 1) названия по церквям и монастырям (*Борисо-Глебская ул., Вознесенская ул., Монастырская ул.*); 2) по лечебным и другим учреждениям (*Приютская ул.*); 3) по разным службам города (*Ветреная ул., Железнодорожная ул.*); 4) по названиям заводов и фабрик (*Фабричная ул.*). Важно, что в 1983 г. в городе останется только 2% таких названий: *Больничный пер., Замковая ул., Заводская ул., Мельничный пер., Стадионная ул.*

Почти в два раза уменьшился в 1983 г. процент урбанонимов, образованных от названий населенных пунктов, в направлении которых улицы вели, что косвенно свидетельствует о некоторой смене направлений территориальных ориентиров полочан: если в 1930 г. это были названия, сориентированные прежде всего на близко расположенные населенные пункты – *Дрисенская ул., Кстовская ул., Фариновская ул., Экиманская ул.* (в их числе *Виленская ул., Смоленская ул., Рижская ул.*), то в 1983 г. – на более отдаленные: *Витебская ул., Ленинградская ул., Лепельская ул., Минская ул., Невельская ул., Рижский пер.*

Приблизительно одинаковым в изучаемые годы был и процентный состав улиц, названных по местоположению объекта: 8,2% у 1930 г. (*Восточная ул., Задвинская ул., Заканавная ул., Окраинная ул.*), 7,4% у 1983 г. (*Восточная ул., Северная ул., Южная ул., Пригородная ул., Заречная ул.*).

Иная судьба у годонимов, связанных с идеями и реалиями нового общества. Если в списке 1930 г. приводится только одно такое название (*Советская ул.*), то в 1983 г. их уже более 7%: *Советская ул., Коммунистическая ул., Комсомольская ул., Пионерская ул., Пролетарская ул., Октябрьская ул., Депутатская ул., Стахановская ул.* и др. Активно на идеи новой советской власти “работали” и названия, данные в честь основателей марксизма-ленинизма, соратников Ленина, количество которых в 1983 г. возросло более чем в восемь раз. В списке 1930 г. зафиксированы *Ленинская ул., Володарская ул., ул. К. Маркса, ул. Троцкого*; у 1983 г. – *пл. Ленина, ул. Ленина, просп. К. Маркса, ул. Энгельса, ул. Дзержинского, ул. Воровского, ул. Войкова, ул. Жданова, ул. Калинина, ул. Кирова, ул. Куйбышева, ул. Крупской, ул. Орджоникидзе, ул. Свердлова, ул. Урицкого* и др.

Главная примета номинационного процесса в урбанонимии, свойственная бывшим республикам Советского Союза, – заполитизированность – вылилась в антропоцентризм. Названия, данные в честь прежде всего тех людей, которые поддерживали господствующую идеологию, захлестнули урбанонимику всех городов СССР, в том числе и Полоцка.

Заслуживают особого внимания урбанонимы, появившиеся в русле названной инновации – замкнутости урбанонимии на человеке, но в определенном смысле избавленные яркой политизированности. К ним относятся названия улиц, носящие имена писателей и деятелей науки и культуры (1930 г. – только *Пушкинская ул.*; 1983 г. – *ул. П. Бровки, ул. Я. Купалы, ул. Я. Коласа, ул. Калиновского, ул. Скорины, ул. Хадкевича, ул. Пушкина, ул. Некрасова, ул. Серафимовича, ул. Фурманова, ул. Тургенева, ул. Чернышевского, ул. Шевченко, ул. Маяковского, ул. Добролюбова, ул. Грибоедова, ул. Толстого, ул. Радищева, ул. Перова, ул. Серова, ул. Галеркина, ул. Тимирязева, ул. Циолковского* и др.); героев мирного времени (1930 г. – нет; 1983 г. – *ул. Гагарина, ул. Комарова, ул. Титова, ул. Чкалова*); русских военачальников, героев восстаний и войн – русско-японской, Отечественной 1812 г., Великой Отечественной (1930 г. – *Суворовская ул.*; 1983 г. – 93 названия: *ул. Суворова, ул. Чапаева, ул. Кутузова, ул. Кондратенко, ул. Фабрициуса, ул. Котовского, ул. Азина, ул. Буденного, ул. Лазо, ул. Совенко, ул. Кульнева, ул. Мироновой, ул. Алексеева, ул. Баграмяна, ул. Заслонова, ул. З. Портновой, ул. Доватора, ул. Космодемьянской* и др.). Самыми многочисленными среди них являются названия в честь героев Великой Отечественной войны (53), появившиеся

в основном в 1960–1970-е гг. и связанные с именами защитников и освободителей города. Именно им принадлежит первое место в годонимии города 1983 г. и современной.

В поддержку существовавшей политической системы, которая уже шаталась, направлены и названия в честь исторических событий – *ул. 5 Декабря, ул. 8 Марта, ул. 11 Июля*. О достаточно глубоком укоренении в номинационное сознание полочан названий в честь профессий и рода деятельности свидетельствуют некоторые возникшие названия линейных объектов. Так, если в списке 1930 г. только два из них – *Дворянская ул., Офицерская ул.*, – возникшие, вероятно, не только в честь дворян и офицеров, а потому, что дома дворян и офицеров были построены на этих улицах, то в 1983 г. это были в первую очередь названия в честь людей определенных профессий и рода деятельности: *Ветеринарная ул., Столярный пер., ул. Космонавтов, Рабочая ул., Партизанская ул.* и др.

Использование урбанонимов, связанных со строительством города или особенностями проектирования, имело место при создании названий как линейных, так и территориальных объектов в 1970–1980-е гг.: *Новая ул., Межевая ул., 11-я линия* и др.

Наличие в годонимии Полоцка как 1930-го, так и 1983-го гг., в отличие от годонимиконов Польши, только одного эмоционального названия (1930 г. – *Мационная ул.*; 1983 г. – *Солнечная ул.*) свидетельствует о разнонаправленности номинационного использования онимных эмоциональных определений.

То же можно отметить и в отношении инновационных флористических названий, которых так много в каждом польском и мало (единичные) в белорусских городах – *Цветочная улица* (1983 г.).

Чем древнее город, тем больше в нем названий, повторяющих существующие. Неслучайно они есть как в списке 1930 (*Верхне Борисо-Глебская ул., Нижне Борисо-Глебская ул., Верхненабережная ул., Старовокзальная ул., Новопролетарская ул., Новоазаровская ул.*), так и в списке 1983 г.: *Новобазарная ул., Новолуговая ул., Новожелезнодорожная ул., ул. Правобережная Новка* и др.

Нельзя не отметить и номинационных усилий жителей города последних лет возродить в памяти современников самых лучших своих представителей, страницы прошлого. Имеем в виду годонимы *ул. Евфросиньи Полоцкой, Стрелецкая улица*. Одно в этой акции вызывает сомнение: появилась новое название в результате переименования и имеет форму, которая не совсем соответствует традициям: ранее названия улиц давались не по именам святого, а по названию мона-

стыря или церкви, названной в честь святого. Поэтому улица, ведущая в сторону Спасо-Евфросиньевского монастыря, могла называться только *Спасо-Евфросиньевской*.

Таким образом, наблюдения над названиями улиц одного из древнерусских городов свидетельствуют, что его урбанонимная система отражает как культурные традиции Востока и Запада, так и инновации, специфические явления, создающие ее неповторимый облик. Нашедшая отражение в социальных, политических, экономических преобразованиях, постепенно возрастающая динамичность жизни города обусловила и динамичность урбанонимной системы языка, в которой наряду со значительным числом новообразований происходило устаревание наименований (ср.: *Стрелецкая крепость*, *Нижний замок* и подобн.). На фоне этих изменений особенно важным представляется то, что они не привели к дестабилизации урбанонимной системы, к ее разбалансированию, поскольку, характеризующаяся гибкостью организации всех своих подсистем, она изначально предполагает возможность подобных трансформаций. Диалектическое взаимодействие динамичности и стабильности урбанонимной системы обусловлено в первую очередь существованием лексико-семантического ядра урбанонимии, вычленение которого, на наш взгляд, находится в прямой зависимости от постоянства / непостоянства употребления тех или иных названий в различных населенных пунктах (далее н.п.). Так, к нему можно отнести частотные наименования внутригородских объектов, которые использовались и продолжают использоваться повсеместно и семантика которых понятна всем жителям поселений. Это названия, характеризующие объект: а) с точки зрения наличия / отсутствия зеленых насаждений (например, *Садовая улица* / *Садовый переулок* зарегистрированы в 69 н.п. Витебщины; *Зеленая улица* / *Зеленый переулок* – в 27 н.п.); б) по отношению к другому значимому социальному или топографическому объекту (*Школьная улица* / *Школьный переулок* – в 58 н.п.; *Лесная улица* / *Лесной переулок* – в 49 н.п.; *Озерная улица* / *Озерный переулок* – в 33 н.п.); в) по особенностям местоположения (*Центральная улица* / *Центральный переулок* – в 57 н.п.; *Заречная улица* / *Заречный переулок* – в 50 н.п.; *Набережная улица* / *Набережный переулок* – в 40 н.п.); г) по возрастной характеристике преобладающей части населения (*Молодежная улица* / *Молодежный переулок* / *Молодежный бульвар* – в 60 н.п.). В последние 90 лет в состав ядра входят также названия по идеологическим предпочтениям минувшей эпохи (*Советская улица* / *Советский переулок* – в 52 н.п.; *Октябрьская улица* / *Октябрьский переулок* – в 33 н.п.).

## S U M M A R Y

The facts of stability and variability of urban language sub-system are defined on the basis of the urban titles studying of Polozk as cradle of historical and cultural traditions of the West and the East. The conclusions are made that dialectical interaction of dynamism and stability of urban language system is determined mainly by existence of lexico-semantic nexus of urban titles.